

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.7>

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЭССЕ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА М. ГАЛИЕВА

Статья посвящена жанру эссе в современной татарской прозе. Целью работы является изучение этого феномена, особенностей его содержания и формы на материале творчества татарского писателя М. Галиева. Автор утверждает, что в исследуемом тексте основное место занимают воспоминания о советской эпохе, которые подчинены демифологизирующей функции, а также остро поставлена национальная проблематика. Результаты анализа произведения свидетельствуют о том, что творчество М. Галиева показывает парадигму эволюции жанра, возможности совмещения эпического и лирического начал в рамках жанра эссе в современной национальной прозе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 1. С. 44-47. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**INTERPRETATIONS OF DOROTHEA BROOKE'S IMAGE AND THE PROBLEM
OF WOMEN'S SELF-CONSCIOUSNESS IN GEORGE ELIOT'S NOVEL "MIDDLEMARCH"**

Shamina Natal'ya Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
topcap@mail.ru

The article examines the specificity of artistic interpretation of women's issues in the novel "Middlemarch". In fact, George Eliot's works contribute – directly or indirectly – to reevaluation of values in favour of the woman's private sphere and to changing the woman's role and functions in the society. The author concludes that women's theme in Eliot's novel acquires new features in comparison with her predecessors' works. The paper justifies the thesis that women's problems (social, spiritual) are transferred into the ethical domain and are reduced to the conception of struggle of egoism and altruism, social and marital duty and personal happiness.

Key words and phrases: George Eliot; "Middlemarch"; Victorian novel; women's issues; Pre-Raphaelites' esthetics; women's self-consciousness.

УДК 821.51:82-1/-9

Дата поступления рукописи: 16.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.7>

Статья посвящена жанру эссе в современной татарской прозе. Целью работы является изучение этого феномена, особенностей его содержания и формы на материале творчества татарского писателя М. Галиева. Автор утверждает, что в исследуемом тексте основное место занимают воспоминания о советской эпохе, которые подчинены демифологизирующей функции, а также остро поставлена национальная проблематика. Результаты анализа произведения свидетельствуют о том, что творчество М. Галиева показывает парадигму эволюции жанра, возможности совмещения эпического и лирического начал в рамках жанра эссе в современной национальной прозе.

Ключевые слова и фразы: эссе; национальная проза; современная татарская литература; М. Галиев; синкретизм; лиризм в прозе.

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна, к. филол. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Land_yz@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ЭССЕ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА М. ГАЛИЕВА**

Размышления о национальном варианте жанра эссе в современной татарской прозе на примере творчества М. Галиева были изложены нами в статье «Жанр эссе в творчестве М. Галиева» [9]. В работе упоминался ряд трудов и имен известных ученых, исследовавших природу рассматриваемого явления (М. Н. Эпштейн, В. Е. Хализев и др.), говорилось о синкретизме жанра, его неоднородной структуре и особой роли автора. Также нами подчеркивался тот факт, что «татарская литература издревле знала еще одну разновидность эссе, которая в восточных литературах называлась “сэжеглы шигырь”, в татарской – “нэсер»» [Там же]. И в татарской литературе, по сравнению с другими литературами, жанр по форме изложения более близок к лирическому, чем к эпическому тексту.

В продолжение данной темы нам кажется интересным мнение А. Л. Дмитриевского, который определил главную особенность жанра «естественностью»: «...поскольку суть жанра – в попытке высказаться, “выговорить” созревшие на душе мысли, постольку основополагающим свойством рассматриваемой нами формы выражения стала “естественность” – непосредственная запись внутренних духовных движений, без жесткой литературной обработки» [3, с. 46]. Как это качество совмещается с лиричностью? Мы искали ответ на этот вопрос.

М. Галиев (1946) – писатель, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Основным мотивом его прозы и поэзии является нравственная чистота и сострадание [6, б. 160]. Д. Загидуллина отмечает, что «первые повести М. Галиева “Ак абагалар” (“Белые папоротники”, 1973-74), “Алтын тотка” (“Золотая рукоятка”, 1988) вновь вернули в татарскую прозу традиции классического романтизма (неоромантизм)» [4, с. 83], а его повесть «Ерак урман авазы» («Эхо далекого леса», 1981) «свидетельствует о повороте стиля М. Галиева в сторону постромантизма» [Там же].

Автобиографическое эссе М. Галиева «Тимэ, яшэсен» («Не трогай, пусть живет») посвящено воспоминаниям детства и юности, которые переплетаются с философскими рассуждениями о жизни, тоталитарной советской действительности, национальных проблемах. Автор напрямую излагает свои мысли, чувства, ведет с читателем диалог, открыто представляет свое видение окружающего мира и обсуждаемых проблем. В результате реальный автор, повествователь и главный герой объединяются в единое целое. Но каждое событие повествуется лирическим языком, в тексте чувствуется музыка из-за рифмованности и присутствия внутреннего ритма, и эта особенность становится средством углубления возможностей эмоционального воздействия.

Этому служит и особенность построения текста вокруг единой ключевой идеи о том, что случайностей в жизни не бывает, все служит какому-то единому замыслу, а судьба в самые опасные моменты протягивает руку помощи, не дает пропасть, умереть раньше назначенного часа, а также совершить преступление. Каждое событие, рассказанное автором в «естественном» ключе, является иллюстрацией к этой философской, по сути, идее. Выдвижение в сильную позицию – названия текста – фразы «Тимэ, яшэсен» («Не трогай, пусть живет»), а также неоднократное ее повторение (прямое или в виде подтекста) в связи с разными событиями становится лейтмотивом, задающим ритм всего текста. Вместе с тем в качестве иллюстраций приводятся вполне эпические события: в 1980-е годы на территории Татарской АССР отказ от плана строительства атомной станции спасает, по мнению автора, целый народ от участи Чернобыля; перейдя минутой ранее по зову сердца из одного окопа (где вскоре взрывается снаряд и погибает его сослуживец) в другой, фронтовик Нургали абзый остается в живых; предназначенная волку (священное для тюрков животное) пуля попадает в самого хозяина – друга главного героя Зуфара. В связи с этим упомянуты и неприятные детские эпизоды из жизни повествователя, которые в будущем спасают его от более серьезных проблем уже во взрослой жизни (например, главного героя не берут в ракетные войска благодаря несовершенному зрению вследствие полученной травмы от рук одноклассницы в ответ на мальчишескую шалость). Особое место в начале текста занимает рассказ повествователя о его загадочном трехразовом прохождении обряда инициации в детские годы, когда он остается живым и здоровым, упав из телеги на стерню или поранив битым стеклом из ручейка вены на ноге и даже после удара высоковольтного тока. Словно кто-то оберегает его жизнь своими могущественными крыльями. Так философское обобщение и «сопровождающий» его лейтмотив придают лиричность вполне прозаическим воспоминаниям.

То же самое наблюдается и в тех частях произведения, которые несут в себе демифологизирующие функции. Это обличение тоталитарной советской действительности, имперских амбиций руководства страны, которые поломали судьбы многих людей. Автор вспоминает разные грустные эпизоды из недалекой истории страны, приводит примеры из жизни своей семьи и односельчан. Таким живым описанием становится рассказ о массовой отправке деревенской живности в столицу для нужд страны в 50-е годы. В эти дни автор, еще будучи подростком, видит сон, в котором Сталин, Ворошилов и Буденный стоят на Красной площади с широко открытыми ртами, куда прямоком падают стаи гусей, стадо свиной и табун лошадей из деревни мальчика. Когда мама мальчика запрещает ему кому-либо рассказывать этот сон, он понимает, что увидел что-то неладное. Став взрослым человеком, приходит к печальному выводу: *Бугенге көннән торып уйлыым: нинди дәверләр булган, ачлы-туклы авылларның багырэннән өзеп алып, этап белән көне-төне мал кудылар ул елларда. Каядыр этап белән кешеләр төркеме, кешеләр генәме – нигезеннән кубарылган халыклар болыты Себер якларына куылды. Ил эчендә гел хәрәкәт, коллар хәлендә – маллар, маллар хәлендә – коллар. Империянең бирән авызы ачылган, барысын йота, кайнатып юк итә тора* [2, б. 81]. / *Сегодня я думаю: какие были времена, отрывая последнее от полуголодных деревень, днями и ночами гоняли этапами скот. Где-то этапами в Сибирь насильно гоняли группы людей, и не только – оторванные от родной земли целые народы. Внутри страны постоянное движение, скот в состоянии рабов, рабы в состоянии скота. Ненасытное чрево империи открыто, оно все поглощает в себя, обрабатывает и уничтожает* (здесь и далее перевод автора статьи. – Л. Ю.). Таким образом, реалистичный рассказ о жизни сельчан в 50-е годы вдруг обобщается воспоминанием детского сна. Прием психологизма придает лиричность и эмоциональность, позволяя социально-политические обобщения перевести в философское, общечеловеческое русло.

Нередко автор позволяет себе ироничные высказывания по поводу советской пропаганды: *Сиксэненче елда безне коммунизм көтә... Мин авылда Нәфисәттинен ишелә башлаган йортына карыйм. Кайчан яңа йорт салдыра башлый инде бу ялгыз карчык, оялмыйча, коммунизмга салам тубәле йорт белән барып кермәссен бит* [Там же, б. 139]! / *В восьмидесятые у нас будет коммунизм... Я смотрю на разрушающийся дом тети Нафисы в деревне. Когда уж эта одинокая старушка начнет строить новый дом, не войдем же мы, не стыдясь, в коммунизм с домами с соломенной крышей!* Ирония всегда с налетом грусти, сожаления, экзистенциальности. В отдельных случаях, например, когда говорится о том, что для советского государства судьба и жизнь отдельно взятого гражданина – человека – не имела особой значимости, поэтому немцы «отдали порядка восьми миллионов жертв в войнах со столькими странами, а наши до сих пор не могут сосчитать... то ли тридцать, то ли пятьдесят...» [Там же, б. 53]; или в рассказе об армейской службе указывается, что, будучи рядовым солдатом, повествователь получал в месяц два рубля и семьдесят две копейки, чего, после комсомольского взноса, хватало только на нитку с иголкой [Там же, б. 305]. Таким образом, резкие переходы от демифологизации к личным ощущениям, эмоциям также служат воссозданию лиричности текста.

Иногда субъективное, личное становится мнением представителя отдельной категории людей или народа. Например, автор с горечью рассказывает об искаженной истории Второй мировой войны, в связи с этим вспоминает несправедливость, которую допускает советское руководство, признав только двух человек – русского и грузина – Героями Советского Союза, водрузившими знамя победы над Рейхстагом. Третьего из этой команды – украинца Алексея Береста – награждают только орденом Красного знамени, а вскоре его имя и вовсе исчезает из легенды о подвиге. На самом же деле там были еще и другие люди, среди которых и татары – Н. Булатов и Г. Загитов, однако они и вовсе уходят в небытие. М. Галиев констатирует, что вопиющая несправедливость – одна из черт тоталитарного государства. *Әйе, батырлык кылган, бүләк биргән жирдә тулы дәрәслек, гаделлек була алмыйдыр, ахрысы... Ясалма каһарманнар, ялган легендалар, мәңгегә дип куелган вакытлы һэйкәлләр... Болар бар да тоталитар жәмгыятьнең үз-үзен исертеп яшәү рәвешеннән киләдер* [Там же, б. 343]... / *Да, наверное, не бывает полной справедливости там, где был совершен подвиг и розданы награды... Настоящие герои, настоящие легенды, временные памятники, которые когда-то ставили навсегда... Это все*

исходит от тоталитарного общества, которое само себя одурманивает. Но это обобщение уже преподносится как мнение нерусских народов о советской идеологии интернационализма.

Такая же подоплека рассказа о чернобыльской трагедии, который излагается в контексте обличения советской действительности: повествуется о том, что отечественная пресса в течение нескольких дней отмалчивалась, и только спустя два дня по приказу Центрального Комитета партии жители близлежащих к атомной станции территорий были эвакуированы (*Күченү вакытындагы махиәрне күз алдына китерүе дә тетрәнгеч. Күпме күз яше, яшәүгә өмет киселү, өнне алган чарасызлык* [Там же, б. 19]... / Тяжело даже представить весь ужас, который происходил во время переселения. Сколько слез, потеря надежды, душераздирающая беспомощность...).

Этот рассказ завершается воспоминаниями повествователя о своем путешествии по строящемуся городу Камские Поляны. Он даже задается вопросом, не на том ли самом Бермудском треугольнике находится: один его угол в Дмитровграде, где уже функционирует атомная станция, другой угол будет здесь, а третий – в Башкортстане. Эти места густо заселены татарами, и все эти татарские земли остаются внутри этого Бермудского треугольника, а значит, обречены на смерть (*Атом-зәррә – Ходай ихтыярындагы дуамал кодрәт. Аны таркатып, эшкә җигеп, адами зат беркайчан да тулысынча үзенә буйсындыра алмаячак* [Там же, б. 8]. / Атом – отчаянная мощь в руках Бога. Подвергнув распаду, заставив работать, человек никогда не сможет его полностью себе подчинить).

Большое место в эссе посвящено автобиографическим мотивам: прежде всего, армейским годам писателя. Тема национальной идентичности, роли и месте татар в истории русской и советской истории становится одной из центральных в изложении данного материала. Интересен тот факт, что автор говорит о недостатках своего народа, приписывая ему такие качества, как подозрительность, нерешительность, завистливость [Там же, б. 246], однако в то же время из уст капитана Дементьева звучит утверждение о том, что один татарин воевал за двоих и мог совершить двойной подвиг [Там же, б. 248]. Повествователь обращает внимание на такую черту характера татарского народа, как наивность, из-за которой он терял все, чего достигал и имел: *Ничә гасырлар буена империя алып барган сугышларда, алгы рәтләрдә булып, утка кәргән, кырылган, гарипләнгән, чит тарафларда гап булган. Биләгән җирләр дә, таланган байлыктар да үзенә тәтемәгән. Сугыш тынган, җисмен дә оныттырып, кылган батырлыгын да, данын да тартып алып, империя тотучы милләткә ягып куйганнар* [Там же, б. 171]. / В течение скольких войн, которые вела империя, он сражался на передних рядах, заходил в огонь, истреблялся, калечился, пропадал без вести на чужих землях. Ни освоенные земли, ни ограбленные богатства ему самому не доставались. Как только война закончилась, заставив позабыть и имя свое, отняли у него и подвиги, и славу и приписали все народу, державшему империю. Так появляются постколониальные мотивы, которые тесно переплетаются с демифологизацией советской политики и идеологии.

Наряду с этим много места уделяется рассказу о теплых чувствах к родным местам, родине, своему народу. Например, рассказ о летчике капитане Латыпове, который скучает по райским островам на Волге и мечтает быстрее выйти в отставку, вернуться в родной город и ловить рыбу на этих островах; история главного штурмана дивизии подполковника Мустафина, выросшего в детском доме и по этой причине не знавшего родного языка, однако после отставки тоже мечтающего поселиться в татарской деревне и заново построить свою жизнь (он же помогает главному герою в трудный момент одеждой и едой); и, наконец, описание встречи на белорусской земле главного героя с Марьям-Марией – татарской женщиной, выросшей опять же в детском доме и прожившей нелегкую жизнь с мужем – инвалидом войны (без обеих ног), оставаясь ему верной и подарив ему смысл жизни. Все эти встречи «со своими» пропитаны чистой, трепетной любовью, глубоким уважением к своему народу. Здесь же необходимо отметить эпизод, когда автор вспоминает исполненный оркестром марш, звучавший во время подготовки к празднику Дня Победы. Этот марш пронизывает все его существо: *Шунысы гажәп: оркестр марш уйный башлауга, күңелнең ниндидер бер кылы тетрәп ала, тирәннән, күкрәккә сыеша алмыйча, дулкын күтәрелә, күздән яшь чыга язый, керфекләр арасына кысылып кала. Бер генә булса бер хәл, көн дә шулай кабатлана* [Там же, б. 256]. / Удивителен тот факт: как только начинает играть марш, какая-то струна души трепещет, из глубины, не помещаясь в груди, поднимается волна, слезы застывают между ресницами. Ладно, если это случается только один раз, но это повторяется каждый день. Спустя годы становится понятной причина таких глубоких переживаний – эта музыка, в которой можно уловить татарский «моң» (на русский язык частенько это слово переводят как «печаль»), однако данное понятие по сути своей непереводаемое), оказывается маршем Салиха Сайдашева «Красная армия». Автор также с глубокой обеспокоенностью рассуждает о родном языке, по армейскому опыту он приходит к выводу о том, что этот «язык души» легко растерять, для этого достаточно отсутствия силы воли и внутренней веры.

Финал эссе также связан с национальной проблематикой, автор здесь прибегает к образности и афористичности, обращаясь к истории татар. Повествователь гуляет по Казанскому Кремлю, перед его глазами проходит печальная история падения Казанского ханства, горькая судьба своего народа. Однако вера в дальнейшее его существование не покидает его. «Не трогай, пусть живет» – спасительные слова, прозвучавшие из уст некоего падишаха в адрес палача, нацелившегося на мальчика с угольно-черными глазами, становятся последними в тексте.

В эссе серьезное место занимает романтическая линия, автор на протяжении всего эссе рассказывает о своей любви к Фание, которую он пронесит в сердце через всю свою жизнь. Ее каждодневные письма в армейские годы становятся самым прекрасным воспоминанием тех лет. Автор утверждает любовь как самое значимое понятие для человека. *Күбәләккә күбәләк кушыла, болытка – болыт, җилгә – җил. Дөнъяда бөтен*

жанлы-жансыз ияләр үзенең парын эзли [Там же, б. 116]. / *Бабочка стремится к бабочке, облако к облаку, ветер к ветру. В мире все одушевленные и неодушевленные создания ищут себе пару.* Тема любви пронизана тонким лиризмом и склоняет автора к сентиментальности. Чистые, искренние чувства к девушке переплетаются с огромной любовью к родной земле, родине: *Ә Чатыр тау – башка... Идел-йортыбызның иң биек түбәсе саналса да, иңенә ятып еларлык яшел мөндәр дә ул, рухыңа дәрт өстәрлек мәгърур биюлек тә ул, балачак иленә кайтара алган жыл ияре дә ул* [Там же, б. 33]. / *А Шатровая гора другая... Даже если она считается самой высокой точкой Приволжья, она и подушка, на которой можно поплакать, и высота, которая воодушевляет, и хозяин ветра, который уносит тебя в детство.*

Другая романтическая линия в тексте связана с проблемой творчества, с мытарствами писателя во время создания текста: *Төн... Кабинетымда мин, дөнъядан аерылып, күңел иреген тоеп, үзәмә калса, иһамланым, иҗат газыбы кичерәм. Бу уз-үзеңне яралап та, дөвалап та карый торган ләззәтле интегу газыбы* [Там же, б. 352]. / *Ночь... В кабинете я, оторвавшись от мира, чувствуя свободу души, воодушевившись, испытываю творческие муки. Эти сладостные муки и самобичевания, и самолечения.*

Таким образом, на примере произведения М. Галиева мы пытались выяснить, как главная особенность жанра – «естественность» – проявляется в глубоко лиричных текстах татарских прозаиков. В избранном нами объектом исследования эссе автобиографические моменты гармонично переплетаются с философскими, политическими вопросами, а общечеловеческие ценности выдвигаются на первый план. Автор обращается к истории страны и своего народа, повествуя о многих событиях, о курьезных и интересных историях других людей и своей жизни. Вместе с тем для его текста характерен глубокий лиризм, текст музыкален из-за рифмованности и присутствия внутреннего ритма, и эта особенность становится средством углубления возможностей эмоционального воздействия. Каждый рассказ сопровождается философским обобщением, повторяющимися фразами, которые становятся лейтмотивом, задающим ритм всего текста.

Основное место в произведении занимают воспоминания о советской эпохе, которые подчинены демифологизирующей функции. Однако несколько главных приемов служат усилению лирического начала: это приемы психологизма (сны, описание переживаний и др.), «сопровождение» иронии и сатиры с личными чувствами сожаления и т.д.

Остро поставлена в тексте и национальная проблематика: здесь повествователь перестает быть частным лицом, а становится представителем нерусских народов, рассказывающим о советской идеологии интернационализма. В этом случае резкие переходы от демифологизации к личным ощущениям, эмоциям также служат воссозданию лиричности текста. Личные воспоминания о родной земле, о людях родного края, об их патриотизме, трудолюбии, доброте, рассказы о первой любви, о творчестве и т.д. позволяют развивать лирическое начало, обеспечивая эмоциональную привлекательность текста.

Это произведение М. Галиева, а также ряд других (такие как «Рух» («Дух»), «Догалы еллар» («Годы, проведенные за молитвой») и др.) показывают парадигму эволюции жанра, возможности совмещения эпического и лирического начал в рамках эссе в современной татарской прозе.

Список источников

1. Бочкарева Н. С., Пикулева И. А. Жанровый синтез в эссеистике Обри Бердсли («Искусство рекламного щита» и «Перспектив для Вольпоне») [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovyy-sintez-v-esseistike-obri-berdсли-iskusstvo-reklamnogo-schita-i-prospekt-dlya-volpone> (дата обращения: 03.05.2017).
2. Галиев М. Б. Тимә, яшәсен!: роман-новелла. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. 407 б.
3. Дмитриевский А. Л. Жанр эссе: к проблеме теории // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3 (24). С. 37-51.
4. Загидуллина Д. Ф. Современная татарская проза (1986-2016 гг.): основные тенденции историко-литературного процесса. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 246 с.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
6. Татар энциклопедия сүзлеге. Казан: ТР ФА Татар энциклопедиясе институты, 2002. 830 б.
7. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.
8. Эпштейн М. Н. Эссеизм [Электронный ресурс] // Топос: литературно-философский журнал. URL: <http://www.topos.ru/article/2868> (дата обращения: 23.04.2017).
9. Юзмухаметова Л. Н. Жанр эссе в творчестве М. Галиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73): в 3-х ч. Ч. 3. С. 54-57.

SPECIFICITY OF ESSAY GENRE IN THE NATIONAL LITERATURE BY THE EXAMPLE OF M. GALIEV'S CREATIVE WORK

Yuzmukhametova Landysh Nurgayanovna, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga Region) Federal University
Land_yz@mail.ru

The article considers the essay genre in the modern Tatar prose. The paper aims at studying this phenomenon, the peculiarities of its content and form by the material of the Tatar writer M. Galiev's creative work. The author argues that the analyzed text is basically the memories on the Soviet epoch, in which the demythologizing function predominates and nationality problems are hotly discussed. The research findings testify that Galiev's creative work represents the paradigm of the genre evolution, discovers the possibilities of combining epical and lyrical elements within the essay genre in the modern national prose.

Key words and phrases: essay; national prose; modern Tatar literature; M. Galiev; syncretism; lyricism in prose.